

Новые песни главных

Роман Козак и Андрей Житинкин — марафонец и спринтер

Театры на Малой Бронной и имени Пушкина до недавнего времени были похожи, как близнецы-братья. Расположенные по соседству, они владели весьма скромное существование, то и дело меняя режиссеров и зачастую перебиваясь спектаклями, которые едва выдерживали десяток представлений. На отсутствие зрителей, впрочем, жаловались не всегда — кто-то ходил сюда по старой памяти, кто-то из-за благоприятной географии. Хотя аншлаги случались нечасто — разве что в премьерные дни. Что же касается критиков, то они практически единодушно относили эти коллективы к аутсайдерам столичного театрального процесса. Да и, честно признаться, появлялись там нечасто.

Чуть больше года назад, практически одновременно многогранные коллективы обрели новых лидеров: Бронная — Андрея Житинкина, Пушкинский театр — Романа Козака. С одной, хотя и весьма существенной разницей в статусе: Козак принял на себя художественное руководство театром, Житинкина ограничили должностью главного режиссера. Впрочем, в отсутствие внутренних «управленческих» конфликтов различие это может стать и незаметным.

Оба лидера отметились в прессе программными выступлениями, суть которых была едина — вернуть театрам утерянный авторитет. Правда, более сдержанный и опытный Козак говорил о перспективах творческого роста и пользе эксперимента, «скандалист» и провокатор Житинкин уповал на первостепенное пополнение театральной кассы, эпатаж рассматривался в качестве простого технического приема.

Когда же слова начали плавно перетекать в поступки, а поступков этих к финалу сезона набралось достаточно, без труда выяснилось, что худрук Козак набрал дыхания на

марафонскую дистанцию, главреж Житинкин стартовал по-спринтерски. И к финишу этого короткого забега, кажется, отчасти выдохся — публика так и не увидела ожидаемого «гвоздя» сезона, спектакля «Анна Каренина», где все страдания несчастной Анны Аркадьевны должны были определяться ее пристрастием к морфию. Взамен этого мы получили «Калигулу», а эту пьесу А.Камю Житинкин, как известно, уже ставил в Театре имени Ермоловой, хотя и достаточно давно.

Вообще, Андрей Житинкин, не долго думая, начал строить на Малой Бронной театр имени себя. Все четыре премьерных спектакля минувшего сезона («Портрет Дориана Грея», «Лулу», «Метеор» и «Калигула») были поставлены исключительно главным режиссером и не слишком отличались друг от друга с точки зрения постановочных приемов. О приглашениях других режиссеров речь и не шла. Проблемы традиций, иной актерско-режиссерской школы, другого театрального «менталитета» его не больно-то и волновали. Впрочем, кто их помнит сегодня, эти традиции? Разве что театроведы, да актеры старшего поколения. Последних, кстати, Житинкин не оставил за бортом своих эпатажных творений. В новой для Бронной кitchевой эстетике отметились Лев Дуров и Виктор Лакирев, Ирина Кириченко и Геннадий Сайфулин, Георгий Мартынюк и Аркадий Песелев. Честно признаться, выглядели эти опытные мастера не очень убедительно. Хотя явно старались «соответствовать». Среди ярких исключений — Лев Дуров в спектакле «Метеор». Впрочем, эта постановка, сделанная специально к 70-летию юбилею артиста, оказалась наиболее «традиционной»; если это слово применимо к опусам Житинкина. Но режиссер не стал радикально перетряхивать труппу, да ему никто и не позволил бы это сделать. «Человек со стороны» был замечен

только в спектакле «Лулу» — актриса Театра сатиры Алена Яковлева, приглашенная на заглавную роль. А потому приходилось идти на взаимные компромиссы, поскольку понятно, что далеко не все из актерского состава Бронной душевно и физически пригодны для экспериментов нового главного.

В категорию звезд нынешнего эпизода из жизни Театра на Малой Бронной плавно перешел ряд артистов, которым режиссер явно благоволит, и они отвечают ему творческой взаимностью. Лидируют, безусловно, молодой Даниил Страхов (Дориан Грей, Калигула) и опытный Олег Вавилов, занятый в четырех спектаклях. Но если у первого еще все впереди и делать какие-то выводы рановато, то Олег Вавилов, кажется, прочно попал в капкан однотипных режиссерских стремлений Житинкина. Некогда весьма разнообразный в своих актерских проявлениях, ныне этот артист «подсел» на салонное амплу стареющего аристократа, вальяжного и грасирующего, стал похож на отчасти одушевленную марионетку. Плодотворен ли этот путь? Впрочем, куда деваться в отсутствие иных предложений?

Роман Козак, как уже говорилось, пошел другим путем и не стал превращать себя в главное действующее лицо вверенного ему Театра имени Пушкина. Более того, не слишком торопится с реформами на основной сцене, предпочитая заходить в театр с бокового входа, а именно со стороны филиала. Крошечный зал филиала действительно стал полем для эксперимента, местом любопытных актерско-режиссерских встреч, да и сам Козак дебютировал в новом качестве именно там, поставив «Академию смеха» К.Митани. И вот что интересно. Здание в Сытинском тупике отчасти превратилось в столь популярную ныне «свободную площадку», где по взаимному согласию со-

бираются люди, приписанные к разным театральным коллективам, а иногда и вовсе вольные художники. Но эти свободные творения все равно выходят под маркой Пушкинского театра. Нестандартный ход, где модные имена засвечиваются на все еще не слишком популярном общем фоне Пушкинского театра.

Кстати, о филиале этого уже не скажешь. «Академия смеха» с участием Николая Фоменко и Андрея Панина делает стабильные аншлаги. Посмотреть на приглашенную Ирину Гриневу — Антигону в постановке известного молодого режиссера Владимира Агеева тоже полно желающих. А уж «Откровенные полароидные снимки», сделанные ультрамодным Кириллом Серебренниковым с привлечением Алексея Кравченко, Евгения Писарева, Алексея Гуськова, и во все стали бестселлером сезона. Актеры собственно Пушкинской труппы, естественно, тоже не остались без работы, но все же ставка на расширение исполнительского состава спектаклей театра делается Козаком куда более мощная, чем на Малой Бронной.

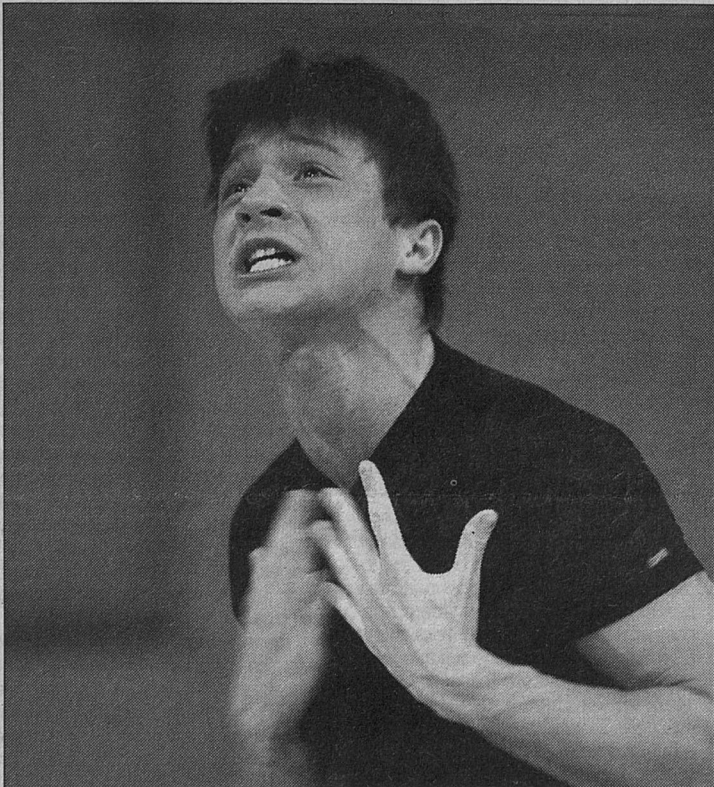
Что же касается основного здания театра на Тверском бульваре, то там особого радикализма пока не наблюдается. Два спектакля («Разбойники» и «Недосыгаемая») в привычной сценической манере и с привычным актерским кругом поставил штатный режиссер театра Алексей Говорухо. Не став событиями и открытиями, оставаясь при том крепко сложенными постановками, они естественным образом завершили «докозаковский» период. Впрочем, единственный спектакль самого Козака на большой сцене, шекспировские «Ромео и Джульетта», также не стал явным откровением для почитателей режиссера. Зато оказался очень функционален с точки зрения поставленных программных задач — хотя бы тем, что был предназначен

для молодежи и занята в нем преимущественно молодежь, включая и козаковских студентов Школы-студии МХАТ. Что будет дальше, нам еще предстоит увидеть. Вероятно, более определяющим и решительным для нового художественного руководителя станет следующий сезон.

Пока же получается вот что. Резко вильнувший на новую дорогу Театр на Малой Бронной, естественно, привлек к себе внимание и критики, и публики. Впрочем, весьма кратковременное и относительное, поскольку здесь стоит говорить не столько о театре, сколько о режиссере Андрее Житинкине, творческая манера и репертуарные пристрастия которого всем давным-давно известны. И публика Бронной пополнилась, вероятно, прежде всего его поклонниками, которых немало, — оттого и касса (вышеназванных спектаклей) действительно полна, чего не скажешь о других, старых постановках. Патриоты же собственно Театра на Малой Бронной, сходя раз-другой на опусы Житинкина, пожалуй, будут разочарованы. К тому же опусы эти весьма похожи и могут в конце концов набить оскомину.

А вот у Пушкинского театра явно намечается своя перспективная аудитория. Весьма разнообразная, поскольку последние премьеры способны потraфить любым зрительским вкусом — от консервативно-традиционных до эпатажно-авангардных. Периодически уходя в тень, Роман Козак отнюдь не декларирует в ажиотаже, что он и один — в поле воин, пуская на это поле многих. И, между прочим, видит в них не соперников, но соратников. Какой из этих путей «новых главных» окажется наиболее плодотворным — решать в конечном итоге именно публике. А у нее, к счастью, сегодня есть возможность выбора.

Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

С.Лазарев — Ромео в сцене из спектакля «Ромео и Джульетта» (слева).
Сцена из спектакля «Калигула» (справа)